

Ральф, мне так плохо без тебя...

Пролог ПЕРЕМЕРНЫ

Проснувшись, Тинталья почувствовала себя замерзшей и старой. Она нашла хорошую добычу и сытно поела, однако все равно толком не отдохнула. Из-за гноящейся раны под левым крылом ей трудно было найти удобное положение. Если драконица распрямлялась, то распухший участок плоти пульсировал жаром и болью, а если сворачивалась в клубок, то ощущала острый укол стрелы, застрявшей глубоко в теле. Теперь стоило ей только расправить крыло, и боль распространялась по нему, словно жгучее растение, которое жадно прорастало внутри и кололо Тинталью острыми шипами. По мере приближения к Дождевым чащобам становилось все холоднее. В этих местах не было ни пустынь, ни горячих песков. Калсидийские пустыни просто источали жар земных недр, поэтому сейчас там было почти так же тепло, как и в южных краях. Но Тинталья уже оставила сухие земли позади, и здесь цепляющаяся за весну зима давала о себе знать. От морозного воздуха кожа вокруг ее раны костенела, превращая каждое утро в пытку.

Айсфир не полетел вместе с ней. Тинталья рассчитывала на то, что древний черный дракон будет сопровождать подругу, хотя сейчас и не могла вспомнить, почему ей так казалось. Драконы всегда предпочитали жить в одиночку, а не группами. Чтобы хорошо питаться, каждому требовались обширные охотничьи угодья. А теперь, когда она

оставила Айсфира, а он за нею не последовал, лазурную королеву окатило унижительное понимание: черный самец не слишком-то и дорожил Тинталей! Впрочем, он никогда ничего ей не предлагал. Правда, и не просил удалиться.

Айсфир получил от нее все, что ему было нужно. В первые дни ликования, вызванного встречей, они совокупились. Когда придет срок, Тинталья отправится на берег гнездовый и отложит там яйца, которые он уже оплодотворил. Однако, после того как черный дракон оставил в ней свое семя, у него пропала причина проводить время с подругой. Но из яиц Тинталей выведутся змеи, которые ползут в море, и возобновится нескончаемый цикл: «дракон — яйцо — змей — кокон — дракон», а воспоминания древнего рода сохранятся и продолжатся. Позже Айсфир сможет встретить других драконов — когда пожелает искать их общества. Тинталья даже удивлялась тому, что задержалась подле него так долго. Неужели, выйдя из кокона в одиночестве и проведя столько замурованной под землей, она переняла у людей такое неподобающее дракону поведение?

Синяя драконица медленно распрямилась и еще более осторожно расправила крылья навстречу хмурому утру. Она потянулась, отчаянно тоскуя по теплomu песку, и постаралась не думать о том, что полет в Трехог может оказаться ей не по силам. Не слишком ли долго она выжидала, надеясь, что выздоровеет без посторонней помощи?

Тинталей было больно выгибать шею, и она не смогла толком осмотреть себя со всех сторон. От кожи мерзко пахло, при любом движении из раны сочился гной. Драконица зашипела, разозлилась и использовала силу своего гнева для того, чтобы напрячь мышцы. Благодаря этому из раны вытекла новая порция мутной жидкости. Теперь вонь стала нестерпимой, но зато кожу хотя бы перестало тянуть. Она сможет лететь. Да, это будет больно и медленно, но Тинталья справится. А вечером она выберет место для

ночлега. И будет очень внимательна. Только бы подняться с берега реки, куда ее занесло! Тинталья хотела направиться напрямик в Трехог в надежде быстро отыскать там Малту и Рэйна, которых превратила в людей Старшей расы — или, как их называли на севере, Элдерлингов, чтобы они лучше служили ей. Кто-нибудь из них вытащит стрелу из ее измученного чешуйчатого тела. Однако между ней и Трехогом простирался густой лес, а значит, полететь напрямик не получится. Даже здоровому дракону тяжело приземляться в чащобе, а уж с больным крылом она наверняка рухнет сквозь кроны на землю. И Тинталья выбрала путь вдоль берега моря, а затем вверх по реке Дождевых чащоб. Она охотилась на заболоченных участках и илистых отмелях: мелкие зверьки часто лакомились здесь кореньями и нежились в грязи, лесные обитатели покрупнее приходили на водопой. Если Тинталье повезет так же, как и прошлым вечером, она удачно приземлится на болотистую прибрежную полосу, а заодно и поймает какую-нибудь крупную добычу.

Ну а в случае неудачи — Тинталья опасалась, что сегодня, к сожалению, именно это ее и ждет — она всегда сможет отдохнуть на речной отмели. Конечно, мало радости лежать на холодной и мокрой почве, но это можно как-нибудь пережить. Гораздо больше драконицу пугала необходимость каждое утро снова взлетать. А ведь она очень ослабела!

Тинталья уныло поплелась к реке и принялась пить, недовольно морща ноздри: вода была горькой и невкусной. Утолив жажду, драконица распахнула крылья, рванулась в небо и... беспорядочно захлопав крыльями, рухнула обратно. Высота была небольшой, но падение оказалось болезненным. Острые куски камней буквально впились в ее измученное тело. Удар выбил воздух из легких, и из глотки вырвался хриплый крик: драконица сильно ушиблась

о землю. Ошеломленная Тинталья лежала, дожидаясь, когда боль отступит. Она не прошла полностью, но постепенно ослабела до терпимого уровня.

Тинталья прижала голову к груди, подобрала лапы и сложила крылья. Ей хотелось отдохнуть, поспать. Но тогда она проснется еще более голодной и заочневшей, чем сейчас, а свет начнет меркнуть. Нет. Надо лететь — и немедленно. Если она задержится, то совсем лишится сил. Надо попробовать, пока она еще способна передвигаться.

Драконница сжалась и приготовилась к новому падению, не позволяя себе расслабиться. Надо просто терпеть и лететь так, словно она ничего не чувствует. Она внушила себе эту мысль, отчаянно напряглась и ринулась вверх.

Каждый взмах крыльев ощущался ударом огненного копья. Тинталья яростно взревела, но не замедлила движений. Вскоре она набрала высоту, начала парить над мелководьем и наконец поднялась выше деревьев, затенявших берега. Бледное солнце коснулось ее шкуры; ветер, дувший на открытом пространстве, порывисто бил ее по глазам. Тучи набухли и отяжелели, предрекая затяжной холодный дождь. Пусть будет ливень, ей все равно! Тинталья возвращается домой.

*Пятнадцатый день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
От Рейала, исполняющего обязанности
смотрителя голубятни в Удачном, — Эреку Данварроу
Вложено в обычную почтовую капсулу*

Дорогой дядюшка!

Я задержался с ответом на твое письмо, потому что оно слишком глубоко потрясло меня. Я перечитывал его снова и снова, гадая, готов ли я к такому ценному подарку — и достоин ли принять твое предложение. Мало того что ты даешь мне рекомендацию, чтобы я смог стать полноправным членом гильдии, так ты еще и препоручаешь мне своих личных птиц и голубятню... Это такая честь для меня, что я не могу подобрать слов. Зная, как важны для тебя эти голуби, я внимательно изучил все твои записи и методы, с помощью которых ты улучшал породу, делая птиц более быстрыми и выносливыми. Я просто потрясен твоим талантом. И теперь ты решил передать мне всю стаю, сделав меня смотрителем голубятни?

Мне больно думать, что ты неправильно меня поймешь, но я должен еще раз спросить: ты уверен, что действительно этого хочешь?

И заверяю тебя: если ты вдруг передумаешь, я не затаю обиды. Но если, поразмыслив, ты все же захочешь предоставить мне столь удивительный шанс, то, разумеется, я им воспользуюсь и всю жизнь посвящу тому, чтобы достойно продолжать твое дело! Зная, что ты порекомендовал меня на такую почетную и ответственную должность, я буду стараться оправдать твои ожидания. Обещаю, что в таком случае при-

ложу все силы, буду достойным зрителем голубятни и не разочарую тебя.

С глубочайшей благодарностью,

твой племянник Рейал

P. S. И пожалуйста, передай тетушке Детози мои поздравления по поводу удачного замужества. Я искренне рад за нее и желаю вам обоим всего самого наилучшего.

Глава 1

ЖИЗНЬ КОНЧЕНА

Элис открыла глаза навстречу постылому утру. Крайне неохотно она подняла голову и осмотрела единственную комнату своего скромного жилища. В хижине царил холод. Огонь догорел еще несколько часов назад, и сырость непривычно суровой весны безжалостно вползла в дом. Элис съежилась под стареньким одеялом, ожидая, чтобы ее жизнь исчезла. Напрасные надежды: жизнь с новой силой набросилась на нее, чтобы начать мучить и изводить тоскливыми мыслями и одиночеством. Тогда Элис прижала тонкое одеяло к груди — и ее взгляд упал на аккуратно сложенные бумаги и пергаменты, которыми она занималась последнюю неделю. Вот оно! Дело всей жизни Элис Финбок уместается в одной стопке. Переводы древних текстов, снабженные ее примечаниями; копии старинных документов, тщательно выполненные черными чернилами (красные Элис использовала для своих догадок относительно стершихся слов). Поскольку ее собственная жизнь оказалась лишена какой-либо значимой цели, Элис сбежала из настоящего в прошлое, стала исследовательницей и испытывала гордость, чувствуя себя настоящим ученым. Она немало знала о древнем укладе жизни Старших и о том, как они общались с драконами. Она выучила все имена Старших и драконов и хорошо разбиралась в их обычаях. Она собрала великое множество свидетельств о прошлом, однако теперь это уже не имеет никакого значения!

Старшие и драконы вернулись в современный мир. Она сама была свидетельницей этого чуда. Теперь они заявят свои права на древний город Кельсингру и поселятся в его стенах. Все тайны, которые она пыталась вызнать, изучая древние свитки и заплесневелые гобелены, рассыплются в прах. Как только Старшие обретут свой город, им достаточно будет лишь коснуться камней памяти, чтобы самим узнать все об истории собственного народа. Все тайны, которые Элис мечтала открыть, все загадки, которые стремилась разгадать, теперь лежат перед ними как на ладони. А в ее работе нет никакого смысла.

С несвойственной ей прытью Элис резко откинула одеяло и встала. Холод тут же заключил молодую женщину в цепкие объятия. Она шагнула к роскошным дорожным сундукам с одеждой, которые бережно упаковала перед отплытием из Удачного. В начале ее путешествия они были набиты доверху: полны практичной одежды, подходящей для знатной дамы, ищущей приключений. Хлопковые блузки с минимальным количеством кружева, юбки-брюки для пеших походов, шляпы с вуалями для защиты от насекомых и солнца, прочные кожаные башмаки... Сейчас от всего этого изобилия остались лишь одни воспоминания. После трудного путешествия ткани истерлись, а ботинки стали протекать. Шнурки бугрились узлами. Стирать одежду можно было только в едкой речной воде, поэтому швы уже расплзлись, а подошвы истрепались.

Элис вытащила поношенное тряпье и равнодушно взирала на него. Все равно никто не станет на нее смотреть. Она давно решила не беспокоиться о том, как выглядит. И пусть другие думают о ней что угодно!

Платье Старших, подарок Лефтрина, висело на крючке. Удивительно, но наряд сохранил свои яркие краски и упругую мягкость. Элис захотелось ощутить его тепло, однако она не смогла пересилить себя и надеть платье. Накануне Рапскаль все подробно ей объяснил. Она — не

Старшая, а потому не имеет прав на Кельсингру. Она вообще не имеет никаких прав на то, что когда-либо принадлежало Старшим.

Горечь, обида и смиренное признание правды, высказанной Рапскалем, тяжело давили на нее, а в горле стоял жесткий ком. Элис сверлила взглядом магическое одеяние до тех пор, пока его краски не смазались из-за выступивших на глазах слез. Тогда она вспомнила о том, кто подарил ей чудесное платье, и от этого расстроилась еще сильнее. Лефтрин, капитан живого корабля по имени Смоляной. Они искренне полюбили друг друга во время трудного плавания по реке, несмотря на то что принадлежали к разным слоям общества. Элис впервые столкнулась с мужчиной, который восхищался ее умом, уважал ее труды и воздел ее тело. Лефтрин разжег в ней ответное чувство и пробудил желания, о каких она прежде и не подозревала. Рядом с ним Элис наконец-то почувствовала себя женщиной и испытала радость от физической близости, чего никогда не случалось за все годы брака с Гестом Финбоком.

А потом Лефтрин оставил ее здесь — одну, в этой примитивной, лишенной элементарных удобств хижине...

«А ну-ка хватит! Немедленно прекрати ныть!» — велела себе Элис и вновь устремила взгляд на платье Старших, вспоминая волшебный момент, когда возлюбленный сделал ей этот подарок. Капитан преподнес ей бесценный артефакт, фамильную гордость их семьи. Он отдал его Элис без малейших колебаний. И она носила этот наряд, как доспехи, защищавшие ее от холода, ветра и даже от одиночества. Она никогда не задумывалась о его исторической ценности. И как только Элис посмела упрекнуть хранителей за то, что они тоже пожелали иметь столь же теплую и надежную одежду, как ее бесценный артефакт? «Лицемерка! Сама-то ты без зазрения совести наслаждалась необычайным комфортом, который дарует платье Старших!» — упрекнула себя Элис.

А чем виноват Лефтрин? С какой стати она упрекает его за то, что он покинул ее? Разве капитан мог поступить иначе?

Лефтрин был вынужден вернуться в Кассарик, чтобы закупить для них припасы. И он вовсе даже не бросил Элис: она сама решила остаться здесь, полагая, что сможет описать и задокументировать все то, что увидела в нетронутom городе Старших. Вот что самое важное: Элис сделала свой выбор, а Лефтрин отнесся к ее решению с уважением. А теперь она упрекает его? Ну не глупо ли? Главное, что он ее любит! Разве этого недостаточно?

Мгновение Элис балансировала на грани, уже готовая смириться и принять расхожую истину: если у женщины есть верный и любящий мужчина, то ей больше ничего в жизни не нужно. Но потом встряхнула головой и решительно стиснула зубы, словно готовясь сорвать повязку с не зажившей до конца раны.

Нет. Ей этого недостаточно.

Пора покончить с притворством и жалким прозябанием. Хватит уже убеждать себя, что, когда Лефтрин вернется и скажет, что любит ее, все будет хорошо. Да, если уж на то пошло, достойна ли Элис его любви? Чего стоит женщина, которая цепляется за надежду, что возвращение партнера придаст смысл ее существованию? Разве при этом она не уподобляется беспомощному паразиту, который всецело зависит от кого-то другого?

Листы бумаги и свитки пергамента аккуратными стопками лежали там, где Элис оставила их, — подле очага. Накануне она хотела уничтожить все свои научные изыскания. Но порыв сжечь рисунки и записи уже прошел. То был момент полного отчаяния — вязкая черная яма, настолько глубокая, что прошлой ночью у Элис даже не хватило сил швырнуть документы в огонь.

В холодном свете утра все выглядело иначе, и Элис поняла, что это было проявлением ребяческого тщеславия,

детской истерикой. «Только посмотрите, на что вы меня толкнули!» Что ей сделали Рапскаль и другие хранители? Всего лишь заставили увидеть истинное положение вещей. И что бы она доказала им, совершив подобный поступок? Ну не глупо ли? Да, все верно, она хотела просто пристыдить их. По губам Элис пробежала мимолетная дрожь, а потом они сложились в язвительную улыбку. Соблазн был по-прежнему силен: заставить бы их всех ощутить такую же боль, какую испытывает она сама. Однако хранители наверняка ничего не почувствуют. Они даже не поймут, что именно Элис уничтожила. Кроме того, придется стучаться в чужую дверь и просить у кого-то из соседей горящих углей. Нет. Пусть все бумаги останутся здесь. Это будет памятник ей — женщине, состоявшей из пергамента, чернил и... притворства.

Закутавшись в старую одежду, Элис открыла дверь домика и вышла навстречу сырому дню. Ветер отвешивал ей пощечины. Отвращение и ненависть к собственному прошлому поднялись в душе мощной волной. Раскинувшийся впереди луг вел к реке — ледяной, серой и непреклонной. Однажды Элис случайно угодила в воду и едва не утонула. Она позволила себе немного помечтать. Все закончится быстро. Да, будет холодно и неприятно, но все произойдет мгновенно. Она произнесла вслух слова, которые всю ночь стучали в ее снах: «Пора покончить с этой жизнью». Она подняла голову. Ветер гнал тяжелые тучи по бескрайнему голубому небу.

Ты готова себя убить? Из-за такой малости? Лишь потому, что Рапскаль сказал тебе то, что ты и без него знала? — Прикосновение Синтары к ее сознанию оказалось весьма насмешливым. Взгляд драконицы был отстраненным и беспристрастным. — Я припоминаю, что мои предки и прежде наблюдали, как люди проделывали подобное: сами решали прервать свою и без того такую короткую жизнь, что она и значения-то не имеет. Ох, люди. Вы словно глупые

мошки, летящие в огонь. Бросаетесь в воду, вешаетесь на мостах. Значит, река? Ты уверена, что именно так хочешь это проделать?

Синтара уже несколько недель не говорила с ней мысленно, и сейчас бесцеремонное вторжение и неуместное любопытство драконицы разожгли в Элис гнев. Она обвела взглядом небосклон. Ага, ясно. Крошечный проблеск синевы на фоне далеких туч.

Она ответила вслух, давая выход своему возмущению: в одну секунду отчаяние превратилось в упрямство.

— Я сказала, что пора покончить с ЭТОЙ жизнью, а не с жизнью вообще! — Элис заметила, как Синтара изгибает крыло и скользит к холмам. Настроение молодой женщины вдруг резко переменилось. — Убить себя? В отчаянии из-за даром потраченных дней и целой вереницы самообманов? И что я, интересно, этим докажу, кроме того, что в конце концов так и не избавилась от собственной глупости? Ну уж нет. Я не намерена так поступать. Я возьму себя в руки. И заявляю на жизнь свои права.

Несколько долгих мгновений от Синтары не было отклика. Возможно, драконица почуяла добычу и потеряла всякий интерес к жалкому слабому человеку, неспособному убить даже кролика. А потом, совершенно неожиданно, голос синей королевы опять загудел у Элис в голове:

Направление твоих мыслей изменилось. По-моему, ты становишься собой.

Элис изумленно воззрилась на Синтару, а та вдруг плотно прижала крылья к туловищу и ринулась вниз. Контакт с драконом исчез так резко, что это походило на порыв ветра, ударивший по ушам. Элис замерла на месте, ошеломленная и одинокая.

Она становится собой? Направление ее мыслей изменилось? Что это означает? Да, скорее всего, Синтара просто пытается манипулировать Элис своими загадочными, ста-

вящими в тупик фразами. Ладно, с этим тоже покончено! Она больше никогда добровольно не поддастся драконьим чарам. Хватит, надоело!

Элис круто развернулась на каблуках и вернулась обратно в дом. А еще пора покончить с ребяческой демонстрацией своих обид. Двигаясь с сосредоточенной яростью, совсем как некогда в юности, Элис спрятала документы в сундук и решительно захлопнула деревянную крышку. Вот так. Она осмотрела комнату и пожала плечами. Ну не смешно ли: она так долго ютилась в этом тесном помещении и даже не попыталась придать ему хоть какое-то подобие уюта? Получается, Элис ждала, чтобы Лефтрин привез с собой все удобства корабельной каюты? Какой стыд! Она больше ни единого часа не будет здесь отсиживаться, а немедленно займется чем-нибудь полезным.

Элис натянула на себя всю теплую одежду, какая была, и вышла на улицу. Она посмотрела в сторону лесистых холмов, возвышавшихся за их поселком. Теперь это ее мир, — и, возможно, другого ей уже не видеть. Надо его понемногу осваивать. Не обращая внимания на дождь, Элис направилась вверх по склону, следуя по протоптанной хранителями тропе. Обогнув соседние хижины, она добралась до опушки дремлющего леса. Когда поселок остался позади, решимость Элис окрепла. Она способна измениться. Она не прикована к прошлому и вполне может стать кем-то, самостоятельной личностью, а не просто глиной в руках других людей. Еще не поздно.

На пересечении тропинок женщина свернула на ту, которая шла вправо и вверх, взяв на заметку на обратной дороге идти вниз и налево. Мышцы ног, ягодиц и спины нещадно ныли после долгих недель безделья, но Элис не собиралась себя жалеть. Ходьба помогла ей согреться, и она даже расстегнула плащ и распустила шарф. Она всматривалась в лес так, как раньше всматривалась в Кельсингру,

мысленно отмечая знакомые и незнакомые растения. Голые шипастые плети могут оказаться лесной малиной — надо будет летом вернуться и проверить.

Элис добралась до ручейка и, встав на колени, зачерпнула ладонями воду и напилась, а потом перешла на другой берег и двинулась дальше. В укрытой от ветра низине она заметила кусты гаультерии с блестящими красными ягодами. Элис обрадовалась так, словно обнаружила клад, и постаралась собрать побольше ягод в сложенный из шарфа мешок. Эти терпкие на вкус плоды станут прекрасным дополнением к их однообразным трапезам, а еще они обладают целительным действием и помогут вылечить саднящее горло и кашель. Листья этого вечнозеленого кустарника Элис тоже срывала, наслаждаясь ароматом и представляя себе, как заварит из них чай. Ее удивляло, что никто из хранителей до сих пор не нашел ягоды и не принес их в поселок, пока она вдруг не сообразила, что для выросших высоко в Дождевых чащобах охотников эти растения были настоящей экзотикой.

Завязав добычу в узелок, Элис подвесила его к поясу и двинулась дальше. Лиственные деревья сменил густой вечнозеленый лес. Усыпанные иглами ветки смыкались у нее над головой, заслоня дневной свет. Даже ветер, дувший непрестанно все эти дни, утихомирился. Толстый слой пахучих иголок и лесная тишина вызвали у Элис такое ощущение, будто она закрыла уши ладонями. Какое облегчение!

Она неспешно брела через лес, когда почувствовала голод. Элис положила в рот пару ягод гаультерии и разгрызла их, ощущая непривычный вкус и аромат. Голод прошел.

Вскоре Элис вышла на прогалину, где рухнуло поваленное молнией гигантское дерево, прихватив с собой множество собратьев поменьше. Упавший ствол обвивало какое-то ползучее растение. Она некоторое время рассматрива-

ла его, а потом ухватилась за одну из шершавых плетей и вытянула ее, хотя та и сопротивлялась. Оборвав листья, Элис проверила прочность лозы. Голыми руками сломать стебель не получилось. Ну что ж... Можно будет вернуться сюда с ножом, нарезать лозу, унести домой и что-нибудь из нее сплести. Например, корзину. Или сеть для ловли рыбы. А почему бы и нет? Она внимательнее пригляделась к деревьям: почки уже набухают. Значит, зима начинает отступать. Где-то в вышине закричал далекий ястреб. Элис посмотрела сквозь прореху в кронах. Только благодаря этому она поняла, что полдень давно миновал. Надо возвращаться. Она намеревалась набрать веток ольхи, чтобы коптить рыбу, но не сделала этого, однако придет домой не с пустыми руками: наверняка все обрадуются ягодам гаультерии.

От непривычной ходьбы вниз по склону быстро заболели ноги. Элис стиснула зубы и заставила себя шагать дальше.

«Так мне и надо за то, что постоянно сидела дома!» — сурово упрекнула она себя.

Добравшись до лиственного участка леса, Элис ощутила странный запах. Ветер усилился, и она остановилась, пытаясь понять, что именно уловила. Запах был неприятный, но знакомый. И только когда животное вышло на тропу прямо перед ней, молодая женщина догадалась, что к чему.

«Вот так кот», — подумала Элис.

Огромный кот не сразу заметил человека. Он крался, опустив голову, и обнюхивал землю, открыв пасть, из которой виднелись длинные желтые клыки. Шкура у зверя была пестрая: черные пятна на темном фоне. На ушах хищника красовались кисточки, мышцы под гладким мехом напрягались и перекатывались.

Элис не верила своим глазам: ей предстало животное из тех, кого уже давным-давно никто не видел. Внезапно ей вспомнился собственный перевод слова из языка Старших.

— Пантера! — выдохнула она, произнеся название вслух. — Черный леопард!

Услышав шепот, зверь вздрогнул — и его желтые глаза уставились на нее. Элис охватил страх. Огромного кота насторожил незнакомый запах на тропе, ее собственный! Вот что он вынюхивал!

Сердце женщины испуганно замерло — и пустилось вскачь. Хищник смотрел на Элис: возможно, появление человека изумило его не меньше, чем ее саму — появление леопарда. Представители этих двух видов не встречались друг с другом вот уже много поколений. Зверь выгнул спину и зашипел.

Элис захотелось громко завизжать, но она справилась с паникой. Она сосредоточилась и мысленно позвала на помощь:

Синтара! Синтара, огромный кот — леопард — охотится на меня! Пожалуйста, помоги!

Нет. Справляйся сама, — равнодушно отозвалась Синтара.

В миг контакта Элис почувствовала, что драконица хорошо поела и погружается в довольное оцепенение. Но даже если бы она и пожелала пробудиться, то вряд ли бы успела вовремя: пока взлетела бы и пересекла реку, пока нашла Элис...

«Не отвлекайся на бесполезные мысли. Сосредоточься на главном», — приказала себе молодая женщина.

Кот наблюдал за ней — и его настороженность сменилась интересом. Чем дольше Элис будет стоять тут в оцепенении, как испуганный кролик, тем больше осмелеет зверь. Надо действовать!

— Я не добыча! — громко заорала она. Ухватив полы плаща, Элис широко распахнула его и растянула, чтобы выглядеть вдвое больше. — Не добыча! — прокричала она опять, намеренно понизив тембр голоса.

Элис захлопала плащом и заставила свои трясущиеся ноги сделать шаг вперед. Если она побежит, леопард кинется следом. Если испуганно замрет на месте, он тоже ее схватит. В любом случае терять нечего. Подгоняемая страхом и отчаянием, Элис, яростно взревев, бросилась на пантеру, продолжая на бегу хлопать полами одежды.

Зверь пригнулся — и она поняла, что сейчас он ее убьет. Ее басовитый рык превратился в гневный вопль, и кот неожиданно рыкнул в ответ. У Элис сбилось дыхание. На миг и напружинившийся зверь, и напуганная женщина замерли. А затем леопард повернулся и умчался в лес. Он освободил тропу, и испуганная Элис огромными прыжками бросилась наутек. Она и не подозревала, что человек способен развить такую скорость. Лес вокруг нее словно бы смазался, контуры деревьев были видны нечетко. Нижние ветки рвали волосы и одежду, но женщина не замедляла бега. Она хватала ртом воздух, который обжигал ей горло и сушил рот, однако не останавливалась. Наконец у нее в глазах начало темнеть — и тогда она заковывалась медленнее, хватаясь за стволы, чтобы удержаться на ногах. Когда страх перестал придавать ей силы, Элис сползла на землю, привалившись спиной к раскидистому дубу, и обернулась назад.

В чаще не было заметно никакого движения. Элис сумела закрыть рот, усмирила дыхание и услышала оглушительный стук собственного сердца. Ей показалось, что прошли часы, прежде чем она успокоилась, а биение сердца затихло настолько, что она смогла слышать обычные звуки леса. Она напряженно прислушивалась, но до нее доносился только шелест ветвей. Уцепившись за ствол, женщина с трудом поднялась, гадая, смогут ли трясущиеся ноги нести ее дальше.

Когда Элис двинулась по тропе, ведущей к дому, у нее на лице вдруг заиграла нелепая ухмылка. Она сумела! Она

столкнулась с пантерой, спаслась и возвращается домой победительницей — и к тому же с ягодами гаультерии и листьями для чая.

«Я не добыча!» — хрипло прошептала молодая женщина, и ее ухмылка стала еще шире.

На ходу она привела в порядок одежду и пригладила волосы. Накрапывающий дождь мог в любой момент превратиться в ливень. Надо поторопиться, пока она не промокла до нитки. И к тому же дома у нее накопилось много дел. Надо собрать дрова и растопку, одолжить углей, чтобы разжечь огонь, принести воды. А еще нужно рассказать Карсону про леопарда, чтобы он предостерег остальных. А потом она заварит себе чаю.

Элис чувствовала, что теперь, когда ее собственная жизнь обрела новый смысл, она уж точно заслужила чашку ароматного чая из листьев гаультерии.